

12+

Ингрид. Великая Мать Ура-Ала

Сергей Самборский

Сергей Самборский

Ингрид. Великая Мать Ура-Ала

«Издательские решения»

Самборский С.

Ингрид. Великая Матерь Ура-Ала / С. Самборский —
«Издательские решения»,

После кровавой битвы, в которой волчья стая платила жизнью за защиту нового Закона, Ингрид, Великая Матерь Ура-Ала, стоит на пороге нового испытания. Её милосердие, прошедшее через огонь войны, теперь должно выдержать встречу с теми, кто остался в прошлом, и, кто придет в её мир с жадой власти и неверием. Когда страх перед силой Горы, проявленной через волков, начинает сеять благоговение среди племен, Ингрид предстоит не только сохранить свой очаг, но и научить других истине своего Закона.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ингрид. Великая Матерь Ура-Ала

Сергей Самборский

© Сергей Самборский, 2026

ISBN 978-5-0070-6019-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Холод пробирался под шкуры, вгрызаясь в кости. Кай проснулся от того, что его тело мелко дрожало, а губы свело судорогой. Он лежал, свернувшись клубком, прижавшись спиной к Лире, и чувствовал ее такое же прерывистое дыхание. Ночь в горах была безжалостной. Звезды, яркие и острые, казались ледяными иглами, вонзенными в черное небо.

Кай осторожно выбрался из-под шкур. Костер, который они развели вечером, давно погас, оставив после себя лишь горстку серого пепла. Он потянулся к мешку, достал камень и трут. Пальцы, окоченевшие от мороза, плохо слушались, но он был охотником, и разводить огонь было его ремеслом. Искры, высекаемые из кремня, казались крошечными, хрупкими жизнями, которые вот-вот погаснут на ветру. Но Кай был упорен. Наконец, сухой мох вспыхнул, и тонкий язычок пламени начал лизать сухие ветки.

Огонь разгорался медленно, неохотно, но его тепло уже начало прогонять холод. Кай подбросил еще веток, и пламя, жадно сожрав их, поднялось выше, освещая небольшой пятчок земли под нависшей скалой. Здесь, в этом крошечном убежище, они провели эту ночь, прижавшись друг к другу, деля скудное тепло и трепет перед неизвестностью.

Лира проснулась. Она села, потирая замерзшие плечи, и посмотрела на огонь. В ее глазах, обычно полных тревоги, сейчас читалась усталость. Она протянула руки к пламени, пытаясь согреть их.

— Холодно, — прошептала она, и пар вырвался из ее рта, растворяясь в морозном воздухе.

— Скоро солнце, — ответил Кай. — Оно прогонит холод.

Он достал из сумы кусок вяленого мяса — их последний большой кусок, который они берегли для самого трудного перехода. Мясо было твердым, но его запах, смешанный с ароматом дыма, наполнил воздух обещанием сытости. Лира достала горсть сушеных ягод, которые она собирала еще в племени. Они ели молча, медленно пережевывая каждый кусок, впитывая тепло огня и силу еды.

Кай смотрел на огонь, и в его памяти всплывали слова Хорма. Старый Глашатай говорил о тепле, которое не зависит от огня, о свете, который не гаснет даже в самую лютую стужу. Но самое главное он говорил о женщине, которая живет там, за этими горами, и которая способна согреть любое сердце.

— Ты веришь ему, Кай? — тихо спросила Лира, словно прочитав его мысли.

Кай медленно поднял голову. Он посмотрел на Лиру, на ее усталое, но решительное лицо.

— Я не знаю, Лира, — ответил он. — Но я знаю, что там, в племени, больше нет правды. Нет тепла, которое бы не сжигало. Я видел, как люди грызутся за кусок мяса, как убивают друг друга за место у огня. Я не хочу так жить.

— И я не хочу, — Лира отбросила обглоданную кость. — Его слова... они как семена. Упали в мерзлую землю, но проросли.

Они снова замолчали, прислушиваясь к шуму ветра, который завывал где-то высоко в ущельях. Их путь был долгим, и они знали, что впереди их ждет еще много холодных ночей. Но в их сердцах горел огонь, который был сильнее любого мороза. Это был огонь надежды, огонь веры в то, что где-то там, за этими горами, есть другой Закон, где можно жить, не боясь завтрашнего дня. И этот огонь гнал их вперед, не давая остановиться.

Подпитываемый сухими ветками, огонь весело потрескивал, отбрасывая на стены укрытия пляшущие тени. Кай и Лира сидели, прижавшись друг к другу, и в их глазах отражалось пламя. Они ели молча, впитывая тепло огня и силу еды. За пределами их убежища выл ветер, напоминая о бескрайних снегах Ура-Ала, но сейчас у костра, от согревающей мысли, что можно жить по другому, будто стало тепло и безопасно.

— Старик Хорм... — начал Кай, его голос был низким, почти шепотом. — Он говорил, что она спасла его. Он лежал в снегу, умирал. И она не оставила. Накормила, согрела. А Ульф... он хотел его бросить. Оставить холоду, как Хорм когда-то ее.

Лира слушала, не перебивая. Она видела, как напряглись мышцы Кая, как его пальцы сжали обглоданную кость.

— И она сказала ему... — продолжил Кай, и в его голосе прозвучало недоверие, смешанное с благоговением. — Она сказала: «Но ты ведь не такой, как он, правда?» Просто так. Без крика, без упрёка. И Ульф... он не смог. Он не смог бросить его. Он спасал того, кого ненавидел. Хорм говорил, что эти слова... они перевернули его мир. Он понял, что можно быть другим. Не таким, как все.

Кай покачал головой. Он был охотником, он знал, что такое ненависть и месть. В его мире за зло платили злом, а за добро — добром. Но Ингрид... она не платила. Она просто давала.

— А Пробужденный... — Лира коснулась руки Кая, и ее пальцы были холодными. — Он рассказал нам про волков, когда мы ночевали в его пещере.

Кай вздрогнул. Он вспомнил слова Пробужденного, и по его спине пробежал холодок.

— Он говорил, что она шла по тропе, а вокруг нее... — голос Лиры зазвучал тише, почти не слышно. — Волки. Дикие, голодные. Те, что рвут плоть, чтобы выжить. Но они не тронули ее. Они шли рядом, как стражи.

Она посмотрела на Кая, и в ее глазах смешались восторг, трепет и страх.

— Пробужденный показал нам рисунок, — продолжила Лира. — На стене его пещеры — женщина, а вокруг ее головы... ореол. Из волчьих голов. Он сказал, что это предсказание. Что Гора сама послала своих детей, чтобы охранять ее.

Кай кивнул. Он тоже видел этот рисунок. Он видел, как на нем, словно живые, смотрели глаза волков. Он слышал рассказ Пробужденного о том, как Саргат, великий вождь, привел свою стаю, чтобы идти рядом с Ингрид. Как они тащили волокуши, как охраняли ее сон.

— Он говорил... — продолжил Кай. — Что это ее сила. Ее сердце. Что она вселила в них не страх, а что-то другое. То, что заставляет их идти рядом.

Лира прижалась к Каю. Она чувствовала, как ее сердце колотится в груди.

— А потом, — прошептала она, — он показал нам другой рисунок. Тот, что оставила она. Ладони Горы, а в них... костер. И три фигурки у костра. Он сказал, что это она нарисовала. Что она видит мир так, как никто другой.

Кай обнял Лиру. Он чувствовал ее дрожь, но в этой дрожи не было страха. Был трепет. Трепет перед тем, что им предстояло увидеть. Он был охотником, он знал законы Ура-Ала. Он знал, что волк всегда голоден, что он всегда ищет добычу. Но Пробужденный говорил, что эти волки не искали добычу. Они искали ее, чтобы проводить.

Кай и Лира сидели у играющего пламени костра, прислушиваясь к завываниям ветра, который нес с собой ледяное дыхание Ура-Ала. Слова Хорма и Пробужденного все еще звучали в их ушах, смешиваясь с шумом огня. Какое то время они сидели молча, каждый погруженный в свои мысли. Наконец, Лира нарушила тишину.

— А что мы у нее спросим, Кай? — голос ее был тихим, почти неуверенным. — Какие вопросы зададим? Мы пошли, чтобы увидеть этот свет, но когда придем, что мы ей скажем? Что хотим от нее?

Кай отломил кусок сухой ветки, бросил в пламя. Посмотрел на огонь, потом на Лиру. В его глазах горел тот самый огонь, который гнал их вперед, не давая остановиться.

— Мы скажем, что пришли научиться, Лира, — ответил он, и его голос был твердым, как камень. — Скажем, что пришли научиться жить по ее Закону.

Лира кивнула. Она понимала, что это не просто слова. Это была их цель, их единственная надежда.

— А вопросы... — продолжил Кай. — Вопросы придут позже. Когда мы все увидим. Когда мы поймем.

Он посмотрел на Лиру, и в его взгляде читалась та самая тревога, которую она чувствовала.

— Мы не сможем жить там, Лира. В самом Ян-Ура. Это ее дом. Ее очаг.

Лира кивнула. Она знала это. Пробужденный говорил, что Ян-Ура — это священное место, которое Гора берегла для своей Избранной.

— Мы поселимся где-нибудь рядом, Кай, — ответила она. — Там, где ее свет будет достигать нас. И у нас будет много времени... чтобы научиться жить по-другому. Без страха. Без злобы.

Кай кивнул. Он понимал, что это не будет легко. Закон Племени был в их крови, он был частью их жизни. Но слова Глашатая и Пробужденного посеяли в них зерно сомнения, и теперь это зерно прорастало, требуя нового пути.

— Мы будем наблюдать, — сказал Кай. — Будем смотреть, как она живет. Как она говорит с волками. Как она смотрит на мир. И мы будем учиться.

Лира плотнее прижалась к Каю. Она чувствовала его тепло, его силу. Она знала, что они не одни. Они были вместе, и это давало им надежду.

— А если она не захочет нас учить? — тихо спросила Лира. — Если она скажет, что мы не достойны?

Кай обнял ее крепче.

— Не скажет. Потому что она не такая. Та, в которой сам Хорм признал Великую Матерь, не скажет, — прошептал Кай.

Они замолчали, прислушиваясь к шуму ветра, который завывал где-то высоко в ущельях. Их путь был долгим, и они знали, что впереди их ждет еще не одна холодная ночь. Но в их сердцах горел огонь, который был сильнее любого мороза. Это был огонь надежды, огонь веры в то, что где-то там, за этими горами, есть другой Закон, где можно жить, не боясь завтрашнего дня. И этот огонь гнал их вперед, не давая остановиться.

Огонь уже не давал сильного жара, лишь тлеющие угли отбрасывали на стены расщелины пляшущие, призрачные тени. Ветер снаружи выл, пробираясь в каждую щель, неся с собой ледяное дыхание Ура-Ала. Он шептал, стонал, пел свою древнюю, безжалостную песню, напоминая о бескрайних снегах, что ждали их за пределами этого крошечного убежища.

Лира смотрела на тлеющие угли, и ее мысли были далеко. Она думала о словах Глашатая Хорма, о рассказах Пробужденного. Сколько уже их, таких же, как они, которых коснулся этот Свет?

В ее сознании всплыл образ Саргата. Дикий волк, вожак, который не просто шел рядом с Ингрид, а отдал ей свою верность. Ее сердце сжималось от мысли о том, как дикий зверь, чья жизнь — это вечная охота и борьба за выживание, мог так довериться человеку. Она понимала, что это не просто дружба. Это была верность, которая родилась из чего-то большего, чем инстинкт.

Кай думал о Хорме. Старый, суровый старейшина, который жил по Закону Племени, вернулся другим человеком. Он стал Глашатаем нового Закона, и его слова, хоть и высмеивались племенем, несли в себе такую силу, что Кай не мог их забыть. Он видел, как Хорм изменился, и понимал, что это не просто старость или безумие. Это было что-то, что выходило за рамки их мира.

Лира перевела взгляд на Кая. Она знала, что он думает о том же. О Пробужденном. О том, как он, хранитель древних ритуалов, отказался от них, чтобы учиться у Ингрид. Он больше не совершал ритуалов, не гадал на костях. Он просто сидел, и его глаза были ясными. Он говорил о тепле, о свете, о новом пути. Он не обещал легкой жизни, но обещал истину.

— Сколько их, Кай? — прошептала Лира, и ее голос утонул в шуме ветра. — Сколько их уже, которых коснулся ее Свет?

Кай обнял Лиру крепче. Он думал о том молодом охотнике, о котором рассказывал Хорм. О том, как он, единственный из троих, почувствовал стыд, когда Ингрид накормила их, несмотря на их дерзость. Это было еще одно маленькое семечко, брошенное в мерзлую землю, но оно проросло.

Они сидели, прижавшись друг к другу, и в их сознании выстраивался образ. Образ женщины, которая не кричала о своей силе, но чье присутствие меняло мир вокруг нее. Женщины, чье милосердие было сильнее любого Закона. Женщины, которая несла свет в сумерки Ура-Ала.

Ветер продолжал выть, но теперь он не казался таким безжалостным. В его песне слышалось что-то иное — обещание. Обещание нового дня, нового пути, который ждал их где-то там, за этими горами. Они не знали, что ждет их впереди. Но они знали, что идут к свету. И эта мысль согревала их лучше любого костра.

Кай осторожно собрал остатки еды в суму. Лира проверила крепление своих унтов. Они были готовы идти. Готовы к новому дню, к новым испытаниям, к новому миру, который ждал их где-то там, за горизонтом. Они были первыми, кто решился идти к этому свету, не зная, что ждет их впереди, но веря, что Гора их не оставит.

Глава 2

Снег перед границей оазиса, где тепло Ян-Ура встречалось с ледяным дыханием Ура-Ала, уже не был белым. Он был багровым, черным от грязи и разорванной плоти. Воздух звенел от яростного рыка волков, отчаянных криков боли и ругательств чужаков. Звон стали о кость, свист топоров, хруст разрываемой плоти — все это слилось в один оглушительный, кровавый хаос.

Воины чужого племени, ослепленные жаждой захватить тепло Ян-Ура, не ожидали такого сопротивления. Они рассчитывали быстро взять оазис. По их мнению у хозяев Ян-Ура защиты не было. Так сказали им двое из трех охотников, которые когда то грелись у очага Ингрид. Однако пришла волчья стая, настроенная защищать до конца свое логово и очаг Великой Матери.

Айни, черная тень в этом кровавом месиве, двигалась с невероятной скоростью. Ее клыки рвали глотки, лапы ломали кости. Она была воплощением ярости, которую Гора вдохнула в своих детей. Рядом с ней, не отставая ни на шаг, сражались Белогрудый и Уголь. Молодые сильные волки, еще недавно смешно чихавшие от холода, теперь были настоящими воинами. Белогрудый, с его белой отметиной на груди, бросался в самую гущу, его рык был глухим и яростным. Уголь, более сдержанный, но не менее смертоносный, двигался тенью, подрезая ноги, вцепляясь в горло, оставляя за собой кровавый след.

Воины падали. Их топоры и копья, привыкшие разить людей, были бессильны против этой дикой, неистовой силы. Они кричали, ругались, пытаясь отбиться, но волки были повсюду. Серые защитники Ян-Ура стекались со всех сторон. Это была уже не одна стая. Их было много. Они нападали из тумана, из-за камней, из-под ног, превращая снег в кровавое месиво.

Вождь — захватчик, огромный, широкоплечий мужчина с лицом, изрезанным старыми шрамами, был в самом центре схватки. Он рубил своим тяжелым топором, как безумный, его крики перекрывали вой волков. Он видел, как его воины падают один за другим, как их плоть разрывается в клочья, но не отступал. Его глаза горели безумной жаждой захватить тепло, которое, по его мнению, должно принадлежать ему.

Снег пропитывался кровью. Он был теплым, липким, пахнувшим железом и страхом. Волки, измазанные кровью врагов, не знали усталости. Они сражались за свое логово, за дочь Гор, за свой мир. Битва была ожесточенной, безжалостной, и казалось, что ей не будет конца. Волки падали, но на их место приходили новые. Они были, но их вой был полон ярости, а не боли.

Вождь чужаков, несмотря на раны, все еще стоял на ногах. Его тело было изрезано клыками, его силы иссякали, но он продолжал рубить, его глаза горели безумной решимостью. Казалось он был один против целой стаи, но не сдавался. Он был воином, который знал только один закон — Закон Племена, когда сильный забирает то, что считает своим. Битва продолжалась, и казалось, что сама Гора содрогается от этого кровавого безумия.

Ингрид и Ульф появились на границе оазиса, привлеченные шумом битвы. Они замерли, пораженные этим кровавым зрелищем. Ульф, привыкший к крови и смерти, был шокирован масштабом и яростью схватки. Он видел волков, защитников оазиса, падающих от топоров

чужаков. Он видел, как кровь пропитывает снег, как клочья шерсти и плоти летят в воздух. Он понимал, что это не просто охота, это война.

Ингрид смотрела на это, и ее сердце сжималось от боли. Ульф схватил ее за руку, чтобы удержать. Он понимал, что ей нельзя вмешиваться, что это битва не для нее. Он видел, как она дрожит, как ее лицо белеет, но она не отводила глаз. Она смотрела на это кровавое месиво, и в ее глазах росло нечто большее, чем просто страх.

Прямо перед ее глазами, один из чужаков, огромный, широкоплечий воин, занес свой топор над головой волка. Волк, раненый, но все еще живой, пытался подняться, но силы оставили его. Топор опустился, и с глухим хрустом перерубил хребет зверя. Волк дернулся в последний раз и замер, его глаза застыли, полные боли.

Ингрид не выдержала. Из ее груди вырвался крик — не плач, не стон, а мощный, пронзительный звук, который, казалось, исходил из самых недр Ура-Ала.

— Хватит! Остановитесь!

Крик разнесся по горным пикам, отразился от ледников и покатился по ущельям, многократно усиленный эхом. Он был таким громким, таким отчаянным, что, казалось, сам мир замер, прислушиваясь к нему. Все стихло. Волки перестали рычать. Замерли все звуки, кроме этого крика, который, казалось, заполнил собой все пространство между небом и землей.

Наступившую тишину нарушил лишь негромкий, гортанный рык волка, последний хруст костей где-то в кровавом месиве и сдавленный, булькающий стон умирающего. Ингрид стояла, тяжело дыша. Ее тело дрожало, но взгляд был ясным. Она огляделась.

Поле боя было ужасным. Снег, еще недавно чистый и белый, теперь был багровым, черным от грязи и разорванной плоти. Вокруг валялись человеческие тела — скрюченные, изуродованные, с широко раскрытыми глазами, в которых застыл ужас. Сломанные топоры, обломки копий, клочья меха и одежды из шкур — все это было разбросано по снегу, как мусор после страшной бури.

Среди тел врагов лежали и их защитники. Неподвижные, серые тела волков. Ингрид видела их — своих верных стражей, которые отдали жизнь за ее очаг. Ее сердце сжималось от боли. Это была цена. Цена за то тепло, что она имела.

Волки стояли, тяжело дыша, их шкуры были в крови. Они были победителями, но их победа была горькой. Белогрудый хромал на переднюю лапу, а на боку Угля виднелась глубокая рана от топора.

Ингрид перевела взгляд на вождя. Он был единственным, кто остался стоять, но только на секунды. Его тело было истерзано клыками хищников. Из глубоких ран на руках и ногах сочилась кровь, пропитывая его одежду. Он стоял, шатаясь, его глаза были пустыми, а лицо — серым, как пепел. Спустя мгновение он рухнул в снег на колени, его силы окончательно оставили его.

Ингрид подошла к нему. Она видела его раны — глубокие, рваные, из которых сочилась кровь. Она видела, как его тело дрожит от боли и холода. Но она видела и другое. Она видела в нем не только страдающее существо. Она видела убийцу. Виновника смертей волков и своих же сородичей. Он привел своих людей на верную гибель, он поднял топор войны против ее очага. И по его же Закону он был достоин смерти.

Ульф стоял рядом, его рука лежала на рукояти топора, и он готов был устранить возникшую проблему. Но в то же время он помнил, что уже жил совершенно по иному Закону.

Ингрид склонилась над истерзанным вождем. Его лицо было бледным, губы синими. Она видела, как его дыхание становится все более прерывистым, как жизнь уходит из него с каждой каплей крови. Он был на волоске. Риск смерти от истечения кровью был велик.

— Зачем? — тихо спросила Ингрид, и ее голос прозвучал так, словно она спрашивала не его, а саму Гору. — Зачем ты пришел сюда? Зачем принес столько смерти?

Он не ответил. Его глаза, полные ненависти и боли, встретились с ее взглядом. И в этом взгляде убийца увидел нечто, что не вписывалось в его мир. Она не вынесла ему приговор. Она не осудила его на смерть. Она просто смотрела, и в ее глазах была та самая сила, которая не мстит, а переворачивает с ног на голову.

Работа была тяжелой. Кровь не хотела останавливаться, жилы скользили в ее пальцах, но Ингрид была настойчива. Она перетягивала раны, стараясь сделать это так, чтобы Вождь не умер от потери крови, но и не смог двигаться.

Закончив, Ингрид поднялась. Ее лицо было бледным, но решительным. Она оглянулась на поле боя. Тела павших волков и людей лежали неподвижно.

— Вернемся позже, — тихо сказала она, и в ее голосе прозвучала боль. — Сейчас нужно спасти живых.

Она повернулась к раненым волкам, которые лежали, скуля и зализывая свои раны.

— Идите за мной, — сказала Ингрид, и ее голос был тихим, но властным.

Волки поднялись. Раненые хромали, но они шли за ней. Они доверяли ей.

Ульф поднял раненного. Он был тяжелым, его тело обмякло, но Ульф тащил его осторожно, стараясь не причинить ему еще большей боли. Они двинулись в сторону оазиса. Впереди шла Ингрид, за ней Ульф с раненым вождем, а следом — раненые волки. Они несли не только врага, но и надежду на новый мир. Мир, где милосердие было сильнее ненависти, а жизнь — сильнее смерти.

Путь до пещеры был долгим и тяжелым. Ульф тащил чужака, его тело было обмякшим, и тяжелым, как мешок с камнями. Ингрид шла рядом, поддерживая его, ее руки были испачканы кровью, но она не чувствовала отвращения. Раненые волки, хромая и скуля, следовали за ними.

Ульф осторожно опустил чужака на шкуры у самого очага. Его тело было истерзано: рваные раны на бедрах, глубокие укусы на плечах, из которых все еще сочилась кровь. Он был без сознания, его дыхание было слабым и прерывистым.

Ингрид опустилась на колени рядом с ним. Она достала из своей сумы травы, которые собирала еще утром. Они помогут остановить кровь и снимут боль. Ульф развел огонь поярче, чтобы свет лучше освещал раны.

Они работали вдвоем. Ульф держал чужака, пока Ингрид промывала раны горячей водой из озера. Вода смывала кровь, обнажая рваные края плоти. Ингрид не чувствовала отвращения. Сейчас она видела в нем не врага, а страдающее существо, которое нуждалось в ее помощи.

Ульф, привыкший к крови и ранам, работал молча. Его руки, грубые и мозолистые, были удивительно нежными. Он подавал Ингрид нужные травы, помогал перетягивать раны. Он видел, как она сосредоточена, как ее лицо бледно, но решительно. Он понимал, что она делает, но это все равно было трудно принять.

Когда раны были промыты, Ингрид начала накладывать травы. Она выбирала лопухи побольше и осторожно накладывала на раны, стараясь не причинить еще большей боли.

Вождь застонал. Его глаза приоткрылись, и он увидел Ингрид. Ее лицо было близко, ее глаза — черные, глубокие, без тени злобы. Он попытался оттолкнуть ее, но сил не было. Его тело было слишком слабым.

— Спи, — тихо сказала Ингрид. — Спи. Гора тебя не тронет.

Она закончила перевязку. Раны были закрыты, кровь остановлена. Вождь лежал, его дыхание стало ровнее, но он все еще был без сознания. Ульф накрыл его теплой шкурой.

Ульф и Ингрид сидели у очага, глядя на спящего. Волки снаружи не шевелились. Тишина в пещере была густой, но в ней уже не было страха. Была лишь усталость и странное, непривычное спокойствие.

Ингрид прижалась к своему охотнику. Она чувствовала его тепло, его силу. Она знала, что они сделали то, что должны были сделать. Они спасли врага. И в этом акте милосердия

она чувствовала, как ее собственное сердце наполняется новой силой. Она была готова к тому, что принесет новый день.

Глава 3

Кай и Лира шли, не чувствуя усталости. Последние дни пути были трудными. Но каждое утро их гнала вперед нетерпеливая жажда увидеть Великую Матерь, о котором говорил Глашатай. Они представляли себе женщину, которая живет по иному Закону, и сами Горы приняли ее словно родную Дочь. Когда они вышли из-за последнего поворота ущелья, перед ними открылась картина, которая заставила их замереть. Снег, который они привыкли видеть белым, был багровым. Он был пропитан кровью, черным от грязи и разорванной плоти. Воздух пах железом и смертью. Кай и Лира встали, оцепенев. Их глаза медленно скользили по снегу залитому кровью. Вокруг валялись человеческие тела — скрюченные, изуродованные, с широко раскрытыми глазами, в которых застыл ужас. Топоры, обломки копий, клочья меха и одежды — все это было разбросано по снегу в безумном хаосе.

— Что... что это? — прошептала Лира, и ее голос был тонким, почти не слышимым.

Кай не ответил. Его разум отказывался принимать то, что видели его глаза. Это не было не то, что они ожидали увидеть. Это было поле смерти. Молодые путники увидели их. В центре этого кровавого месива, среди трупов, работали двое. Мужчина и женщина. Мужчина был огромен. Его широкие плечи были напряжены, а руки, испачканные кровью и грязью, тяжело двигались. Он тащил тело павшего воина, волоча его по снегу, и складывал в одну кучу с другими телами. Рядом с ним, не отставая ни на шаг, работала женщина. Ее движения были медленными, но уверенными. Она склонялась над телами, помогала мужчине перетаскивать их.

Кай и Лира смотрели на них, и в их глазах росло недоумение. Это не было похоже на то, о чем говорил Пробужденный. Это не было похоже на Закон Милосердия. Мужчина закончил стаскивать тела воинов в одно место. Он вытер пот со лба и огляделся. Его взгляд упал на топоры, которые он собрал. Оружие было грязным, окровавленным, но оно было целым. Женщина тем временем склонилась над телом павшего волка. Она гладила его по голове, что-то шептала, а потом осторожно, словно боясь причинить ему боль, помогала мужчине тащить его в другую сторону. Кай и Лира стояли, не двигаясь. Они видели, как Ульф и Ингрид работают, их лица были спокойными, но в их движениях чувствовалась усталость. Они не оплакивали, они просто делали то, что должны были сделать.

— Это... это она? — прошептала Лира, и ее голос был полон ужаса. — Это Великая Матерь?

Кай не ответил. Он смотрел на Ингрид, которая склонилась над телом волка. Он видел ее руки, ее лицо, бледное и усталое. Он видел, как она гладит мертвую шерсть, и в его душе росло непонимание. Они пришли сюда, чтобы найти свет, а нашли смерть. Они пришли, чтобы найти покой, а нашли поле боя. Кай и Лира стояли, оцепенев. Их вера пошатнулась. Они не знали, что делать. Они не знали, что думать. Они просто смотрели на эту картину, и в их глазах отражался ужас.

Ингрид склонилась над телом павшего волка. Это был Кремень, один из сыновей Айни. Его шерсть, еще недавно полная жизни, теперь была жесткой от замерзшей крови, а глаза, когда-то полные любопытства, смотрели в пустоту. Ингрид гладила его по голове, чувствуя, как холод проникает сквозь шкуру ее накидки.

— Кремень, ты ушел в Долину Вечной Охоты, — прошептала она, ее голос был хриплым от боли, а из глаз текли слезы, — мы тебя не забудем.

Она чувствовала, как ее сердце сжимается от горя. Каждый павший волк был частью ее стаи, частью ее семьи. Она понимала, что это цена. Цена за то тепло, что она имела. Вдруг она услышала хруст снега за спиной. Шаги были медленными, осторожными. Ингрид не обернулась. Она думала, что это Ульф. Он всегда ходил так же бесшумно, как тень. Она ждала, что он подойдет, обнимет ее, разделит с ней эту боль.

— Ульф... — начала она, но голос ее оборвался.

Она медленно поднялась и повернулась, и ее взгляд упал на двух людей, стоящих в нескольких шагах от нее. Кай и Лира. Из ее племени. Ингрид замерла. Ее сердце, которое только что билось в такт с горем, вдруг остановилось. Это было как удар. Как будто прошлое, от которого она бежала, настигло ее в самом сердце нового мира. Ингрид стояла неподвижно, и тишина между ними казалась плотнее, чем морозный воздух. Она видела Кая и Лиру, но смотрела словно сквозь них, в то далекое время, когда каждое их слово было для нее ядом. Они были частью того мира, где ее считали калекой, где ее слабость была поводом для насмешек. А теперь они видели ее здесь, среди гор Ура-Ала, в крови защитников и врагов, под защитой тех самых хищников, которых их племя боялось пуще смерти.

Лира попятилась, ее унты скользнули по замерзшей луже крови, и она едва не вскрикнула. Кай же, напротив, замер, вглядываясь в черты лица Ингрид, которые теперь едва угадывались под слоем грязи и подсохшей сукровицы. В его глазах не было благоговения — там был первобытный страх. Он не видел перед собой Великую Матерь, о которой вещал Глашатай. Он видел женщину, которая только что голыми руками разделялась с плотью и смертью.

Ингрид сглотнула комок в горле. Вкус железа на губах напомнил ей, что время для воспоминаний еще не пришло. Горе по Кремню все еще жгло грудь, а не тела воинов-чужаков требовали внимания.

— Если вы пришли ко мне, то разговор будет потом, — ее голос, охрипший и чужой, разрезал тишину. — Сейчас нам нужно закончить погребение. Живым нужно место для жизни, а мертвым — земля и камни.

Она не стала ждать их ответа. Резко развернувшись, Ингрид подошла к телу волка, которого только что оплакивала. Она снова взяла его за лапы и, напряжнив спину, потащила его к общему месту погребения, где уже лежали остальные защитники. Снег под ее ногами хрустел, окрашиваясь в темный цвет.

Ульф, до этого хранивший молчание, подошел к Каю и Лире. Он возвышался над ними, как гранитный утес, его тяжелое дыхание вырывалось паром из-под густой бороды. Его взгляд, холодный и оценивающий, заставил Кая выпрямиться.

— Берите за плечи, — коротко бросил Ульф, указывая на тело одного из захватчиков, лежавшее неподалеку. — Мертвые не станут легче, пока мы на них смотрим.

Кай подчинился не сразу. Его руки дрожали, когда он коснулся грубой кожи шкуры убитого воина. Это было не то испытание, к которому он готовился. Он ждал таинств, мудрости, света. Вместо этого его пальцы погрузились в липкий, холодный мех чужого снаряжения. Лира, подавив тошноту, взялась за ноги убитого. Вместе они потащили мертвеца в сторону, противоположную той, куда Ингрид укладывала волков.

Началась долгая, изнурительная работа. Солнце медленно скатывалось за острые пики, окрашивая небо в тревожные, багрово-лиловые тона. Каждый шаг давался с трудом. Кай и Лира работали молча, боясь поднять глаза на Ингрид. Они видели, как она, не зная усталости, таскала серые тела защитников. Она укладывала их бережно, расправляя застывшую шерсть, словно укрывая их на ночь. В ее движениях не было брезгливости — только глубокое, сосредоточенное почтение.

Ульф тем временем начал складывать камни. Он выбирал самые тяжелые валуны, вминая их в снег. Курган для волков рос быстро. Это было суровое сооружение, лишённое украшений, но в каждом камне чувствовалась сила и благодарность. Курган для врагов Ульф складывал

поодаль, дальше от границы тепла и холода. Он делал это без злобы, но и без той нежности, с которой Ингрид касалась павших зверей.

Когда последнее тело было укрыто камнем, Кай и Лира без сил опустились на снег. Их одежда была безнадежно испорчена, руки саднили, а в головах стоял гул. Они смотрели, как Ингрид стоит у волчьего кургана, положив на него ладонь. Она закрыла глаза, и ее губы беззвучно шевелились.

Атмосфера на поле боя изменилась. Запах крови притупился морозом, а гора камней словно придавила собой ту ярость, что бушевала здесь совсем недавно. Ульф подошел к Ингрид и положил руку ей на плечо. Этот простой жест сказал Каю и Лире больше, чем любые слова Глашатая. Ингрид наконец повернулась к пришельцам. Сумерки скрыли грязь на ее лице, оставив лишь горящие глаза.

— Теперь идите за нами в пещеру, — сказала она. — Там огонь и вода. Нам всем нужно смыть с себя этот день, прежде чем Ура-Ал накроет нас глубоким сном.

Она пошла первой, не оборачиваясь, уверенно ступая по тропе, которая вела к ее очагу. Кай и Лира поднялись, поддерживая друг друга. Они шли следом, чувствуя, как с каждым шагом за их спинами растет тень курганов — памятников. Это была тяжелая, непомерная плата. Путь Кая и Лир к Свету начался не с чистого листа, а с багрового снега и тяжести камней, и это было первое, что им предстояло осознать.

Тепло пещеры ударило в лицо, едва они переступили порог. После ледяного ветра и запаха застывшей крови снаружи, здесь воздух казался густым. Пахло сухими травами, дымом от очага и чем-то острым, звериным.

Грок лежал на гряде шкур у самого огня. Его мощное тело теперь казалось изломанным и жалким. Свет пламени выхватывал бледное, иссушенное лихорадкой лицо, глубокие тени ввалившихся глаз и тугие перевязи из жил, которыми Ингрид и Ульф стянули его плоть. Он не спал. Его веки дрожали, а из груди вырывался свистящий, натужный хрип.

Кай и Лира замерли у входа. Всего несколько мгновений назад они таскали тела тех, кого этот человек привел на смерть, а теперь он лежал здесь, под защитой того самого очага, который хотел забрать. Лира непроизвольно сжала кулаки. В ее глазах, еще полных ужаса от увиденного на снегу, вспыхнула искра ярости.

— Это он? — Кай первым нарушил тишину, его голос прозвучал глухо в каменных сводах. — Тот, кто сделал это?

Ингрид не ответила сразу. Она подошла к очагу, опустилась на колени и подбросила в огонь несколько сухих веток. Пламя жадно лизнуло дерево, осветив ее лицо, на котором кровь уже начала подсыхать темными корками.

— Его зовут Грок, — сказала она, глядя не на гостей, а на раненого. — И сейчас он просто человек, который борется со своей смертью.

Грок вздрогнул при звуке своего имени. Его глаза открылись — мутные, налитые кровью, они метались по пещере, пока не остановились на Ингрид. Он попытался приподняться, его пальцы судорожно впились в мех шкуры, но тело подвело его. Стон, больше похожий на рык раненого зверя, сорвался с его губ, и он снова рухнул назад.

— Лежи, — Ингрид положила ладонь ему на лоб. Ее рука была грязной, но прикосновение — уверенным и прохладным. — Ты отдал достаточно крови Ура-Алу. Гора больше не просит.

Ульф прошел вглубь пещеры, снял тяжелую накидку и швырнул ее на камни. Он не смотрел на Грока, словно тот был просто еще одним камнем в его доме, но Кай заметил, что рука Ульфа все время находилась поблизости от ножа на поясе. Хранитель не верил в чудесное исцеление души врага.

— Зачем вы это делаете? — Лира сделала шаг вперед, ее голос дрожал от сдерживаемого гнева. — Он убил воинов гор. Он убил... их, — она запнулась, не решаясь назвать волков «детьми», как это делала Ингрид. — А вы даете ему тепло и воду.

Ингрид подняла голову. В свете костра ее глаза казались двумя бездонными омутами.

— Смерть — это самый простой ответ, Лира. Ура-Ал дает его каждому, кто оступится. Но жизнь... жизнь — это труд. И если я заберу его жизнь сейчас, я стану ничем не лучше его самого. Закон Племена требует крови за кровь. Мой Закон требует иного.

Она взяла деревянную миску с водой, в которой плавали размятые листья целебных трав, и осторожно приподняла голову Грока. Тот оскалился, его горло заклокотало, но жажда оказалась сильнее гордости. Он начал жадно глотать, расплескивая воду по подбородку.

Кай смотрел на это действие, и в его голове все перемешалось. Он видел женщину, которую его племя изгнало умирать, и видел вождя, который пришел убивать. И сейчас та, кого считали слабой, держала жизнь сильного в своих ладонях. Это было не то величие, о котором пели песни. В этом было что-то пугающее и одновременно притягательное.

Пещера наполнилась тяжелым молчанием, нарушаемым только треском дров и тяжелым дыханием Грока. Кай и Лира стояли, не зная, куда деть свои руки, испачканные той же кровью, что и у хозяев дома. Они пришли учиться, но первый урок оказался горьким на вкус, как та вода, которой Ингрид поила своего врага.

Глава 4

Они умылись у входа, где из расщелины в камне сочилась ледяная вода. Кай тер ладони пучком из жесткого мха, пока кожа не покраснела, но ему все равно казалось, что запах железа и смерти намертво въелся в поры. Лира стояла рядом, ее руки дрожали, и она просто подставляла их под струю, глядя, как вода стекает в темноту, не становясь чище в ее глазах. В глубине пещеры было жарко. Очаг, сложенный из тяжелых валунов, гудел, пожирая сухой валежник и ветки горного кустарника. Ингрид уже сидела у огня. Она сняла одежду из вытертого меха, но лицо ее, хоть и отмытое, сохранило ту странную, каменную неподвижность, которую Кай заметил еще на поле боя.

— Садитесь, — коротко бросил Ульф.

Он разливал похлебку в грубые деревянные чаши. В воздухе плыл запах вареного мяса и сушеных корней, но для Кая этот аромат не был желанным. Он смешивался с едким дымом и тем тяжелым, сладковатым запахом, что шел от лежащего в углу Грока.

Кай и Лира опустили на шкуры напротив Ингрид. Деревянная черпалка в руке Кая казалась неподъемной. Он посмотрел на густое насыщенное варево, на плавающие в нем куски жира, и почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Всего два часа назад он держал за ноги мертвеца, чьи глаза были выклеваны птицами, а теперь ему предлагали есть.

Лира даже не прикоснулась к своей порции. Она смотрела в одну точку — туда, где за границей света, в тени, хрипел раненый чужой вождь. Грок дышал тяжело, с присвистом, каждый его выдох отзывался в тишине пещеры коротким, мучительным стоном.

— Вы должны есть, — сказала Ингрид, не поднимая глаз. Она ела медленно, уверенно, словно совершала необходимую, тяжелую работу. — Ура-Ал не прощает слабости. Завтра камни будут такими же тяжелыми, а снег таким же глубоким. Голод не сделает вашу ношу легче.

— Как ты можешь? — голос Леры сорвался на шепот. — Как ты можешь просто сидеть здесь и есть, когда он... — она кивнула в сторону Грока, — когда он здесь? Когда все это произошло?

Ингрид отложила черпалку и наконец подняла взгляд. В свете пламени ее Солнечная нить вспыхнула багровым цветом, словно впитав в себя кровь заката.

— Он жив, Лира. И пока он жив, он требует того же, что и мы: тепла и ухода. А те, кто ушел... мы отдали им должное. Мы сложили камни. Мы не можем кормить мертвых своей скорбью, но мы должны кормить живых, чтобы они продолжали путь.

Кай через силу заставил себя проглотить первую порцию. Варево показалось почти безвкусным, горячим и склизким. Оно обожгло горло, но не принесло тепла внутрь — там, под ребрами, все еще сидел ледяной ком. Он украдкой взглянул на Ингрид. В рассказах Пробужденного она была сияющим видением, почти духом гор, несущим мир. Но женщина перед ним была другой. Она была жесткой, как обветренный гранит, и в ее милосердии не было ни капли мягкости. Ему казалось это было милосердие топора, который отсекает гниль, чтобы спасти дерево.

Грок в углу внезапно зашевелился, заскреб ногтями по шкурам. Ульф тут же замер, его рука, державшая чашу, напряглась, а глаза сузились, превратившись в две опасные щели. Он не смотрел на Кая или Лиру, его внимание было приковано только к врагу. Но Грок лишь перевернулся на бок и снова затих, проваливаясь в тяжелое забытие.

— Он пришел убить вас, — Кай посмотрел на Ингрид, пытаясь поймать ее взгляд. — Он убил ваших защитников. А вы... вы перевязали его жилами и дали ему место у огня. Это и есть ваш Закон?

— Мой Закон — это жизнь, Кай, — тихо ответила Ингрид. — Смерть здесь и так повсюду. Она не нуждается в моей помощи. Она берет свое без спроса. Но удержать жизнь, когда все вокруг требует крови — это труд, который вам еще предстоит понять.

Тишина снова сомкнулась над ними, прерываемая лишь треском дров и свистящим дыханием Грока. Кай чувствовал, как стены пещеры давят на него. Он пришел сюда за светом, за мудростью, за покоем. А нашел тяжелый, пахнувший кровью и дымом быт, где даже ужин казался испытанием.

Лира все-таки взяла черплку, ее пальцы дрожжали от напряжения. Она начала есть — мелкими, судорожными глотками, словно принимала горькие травы. В ее глазах, отражающих пламя очага, застыло выражение, которое Кай видел у старых охотников после неудачных зим: смесь усталости, смирения и какой-то новой, пугающей твердости.

Они сидели у огня — четверо живых и один, застрявший между мирами. Ингрид сидела прямо, ее тень на стене пещеры казалась огромной и неподвижной. Кай понял: она не просила их приходить. Она не обещала им рая. Она просто позволила им быть рядом и видеть правду такой, какая она есть — без песен и красивых слов. И эта правда была тяжелее любого камня, который они сегодня положили в курган.

Ужин закончился в полном молчании. Никто не попросил добавки. Кай чувствовал, что этот вечер навсегда разделит его жизнь на «до» и «после». И он не был уверен, что та часть, которая началась сейчас, ему нравится. Но пути назад через ущелье уже не было. Ура-Ал принял их, но его гостеприимство было суровым и соленым на вкус, как кровь на разбитых губах.

Тяжелая шкура, закрывающая вход в Потницу, упала за их спинами, отсекая звуки большой пещеры. Здесь царил полумрак, разбавленный лишь слабым мерцанием углей в небольшой каменной площадке. Пар был таким густым, что казалось, его можно трогать руками. Он пах влажным известняком и горьким духом можжевельника, который Ингрид бросала в кипящую воду.

Кай опустился на каменный выступ, чувствуя, как тепло начинает медленно вытягивать из мышц усталость. Лира стояла у естественной чаши, куда из расщелины стекала горячая струя. Она сбросила шккры и теперь иступленно терла руки пучком травы, едва не сдирая кожу.

— Перестань, — тихо сказал Кай. — Ты уже чистая.

— Нет, — Лира обернулась, и ее лицо в густом пару казалось призрачным. Глаза лихо-радочно блестели. — Я все еще чувствую это. Ту тяжесть. Тот холод. Кай, я видела лицо того воина, которого мы тащили. Он был совсем молодым. Почти как ты. А она... она просто складывала их друг на друга.

Кай промолчал, глядя на свои ладони. В Потнице шум воды создавал плотный кокон, но он все равно понизил голос до едва различимого шепота.

— Ты видела ее глаза, когда она встала над тем волком? Там не было молитв, Лира. Там была такая пустота, что мне стало страшно. Глашатай говорил, что она — свет. Но я видел только женщину, которая словно привыкла к смерти. Она не боится крови. Она в ней живет.

Лира подошла ближе и опустилась рядом на камни, кутаясь в тонкое полотно.

— А Ульф? Ты видел, как он на нас смотрел? Как на лишний груз, который приходится тащить. Он не человек, Кай. Он — тень этой Горы. Я видела, как он подавал ей жилы, чтобы перевязать того вождя... Грока. С какой легкостью он это делал. Словно перевязывал подбитую птицу, а не убийцу, который хотел выпустить ему кишки.

— Она его лечит, — Кай сжал зубы. — Мы сидели рядом с человеком, который принес сюда смерть. Ингрид кормит его тем же варевом, что и нас. Это... это не укладывается в голове. Зачем? Если он выживет, он снова возьмет топор.

— Или станет рабом, — Лира поежилась. — Но у нее нет рабов. Ты видел хоть одного? Только волки, которые живут по непонятным мне законам. Кай, мы совершили ошибку. Нам не стоило идти сюда. Это место... оно проклято или благословлено, я не знаю, но оно не для нас.

Кай поднял голову. Свод пещеры терялся в серой дымке пара.

— Назад пути нет, Лира. Ты это знаешь. Старейшины не простят нам побега. Для племени мы уже мертвы. Нас либо примет Ура-Ал, либо мы останемся в одном из этих курганов.

Лира всхлипнула, прижавшись лбом к его плечу. Ее тело мелко дрожало, и жар Потницы не мог унять этот внутренний озноб.

— Она не такая, Кай. Она совсем не такая, как в тех рассказах. Она страшная. Когда она смотрела на нас там, на снегу... я видела не Матерь. Я видела кого-то, кто стоит выше нас всех. Ей не нужны наши поклоны. Ей нужны наши руки, чтобы таскать трупы.

— Это и есть Закон, — Кай обнял ее, чувствуя влажную кожу. — Мы хотели учиться? Вот это и есть первый урок. Милосердие здесь не пахнет цветами. Оно пахнет мокрой шерстью, мертвыми телами, и камнем.

Они замолчали, слушая, как вода мерно бьет по камню. В этом шуме им чудились то хрипы Грока, то рычание волков, то спокойный, лишенный жалости голос Ингрид. Пар обволакивал их, пытаясь усыпить, но сон обещал быть тяжелым. Кай понимал: завтра им придется выйти отсюда и снова посмотреть в лицо женщине, которая перевернула их мир, не сказав при этом ни одного ласкового слова. И самое страшное было в том, что где-то глубоко внутри он начал понимать — именно такая Матерь и нужна этому беспощадному миру, а не та сияющая тень, за которой они шли через перевалы.

— Нам нужно выжить, — прошептал он в самую макушку Лир. — Просто выжить и не сойти с ума.

Лира ничего не ответила, лишь крепче сжала его руку. Снаружи, за границей теплого Ян-Ура, дышал холодный Ура-Ал, и тишина там была полна теней, которые теперь стали их единственной реальностью. Разговор в Потнице закончился, оставив после себя лишь горький привкус осознания: они больше не те дети, что вышли из племени. Гора начала перемалывать их, и что останется от них в конце — не знал никто.

За тяжелым пологом Потницы глухо шумела вода, а здесь, в большом гроте, царила иная тишина — прерывистая, тяжелая, пропитанная запахом гнили и горьких трав. Ингрид стояла на коленях у ложа Грока. Ее пальцы, онемевшие еще днем от долгой работы на морозе, теперь плохо слушались, но она продолжала методично развязывать пропитанные сукровицей жилы.

Ульф сидел в изголовье. Его огромные ладони лежали на плечах вождя, прижимая того к шкурам. Грок заворочался, из его горла вырвался хриплый, утробный стон, переходящий в рычание. Глаза его распахнулись — дикие, подернутые мутной пеленой лихорадки. Он увидел Ингрид, увидел блеск ножа в ее руке и попытался дернуться, но хватка Ульфы была непоколебима, как сами своды пещеры.

— Лежи, — коротко бросил Ульф. В его голосе не было злобы, только предупреждение. — Если хочешь, чтобы твои ноги снова ходили по этой земле, не мешай ей.

Ингрид осторожно срезала потемневшую повязку на бедре. Рана выглядела скверно: края припухли, от плоти шел тяжелый, сладковатый дух начинающегося тления. Она не поморщилась, лишь коротким жестом велела Ульфу подать плоску с растертой «Медовой каплей» и соком хвой.

— Зачем?.. — голос Грока был едва слышен, он напоминал шелест сухой листвы. Он смотрел на Ингрид, на медовые камни у нее на шее, которые в свете костра казались застывшими каплями крови. — Зачем ты... лечишь меня? Ты должна была... бросить меня волкам.

Ингрид подняла на него взгляд. В ее глазах не было ни сочувствия, ни прощения. Только глубокая, выматывающая усталость. Она окунула чистый кусок полотна в целебный отвар и начала прижимать его к ране. Грок выгнулся, его пальцы судорожно впились в мех, а зубы клацнули, сдерживая крик.

— Волки уже сыты, Грок, — тихо ответила Ингрид. — А Гора не любит лишней смерти. Если бы я хотела твоей гибели, я бы просто прошла мимо. Но ты выжил. Значит, у Ура-Ала найдется и для тебя дело, о котором я еще не знаю.

Она начала очищать рану. Работа была долгой. Ей приходилось соскабливать омертвевшую ткань, прижигать кровоточащие места горячим отваром. Грок хрипел, его лоб покрылся крупными каплями пота, но он больше не пытался вырваться. Он смотрел на эту женщину, чье лицо было серым от изнеможения, и в его затуманенном мозгу что-то ломалось. Он привык к вождям, которые убивают, к женщинам, которые плачут или подчиняются. Но эта... она не принадлежала ни к одному из известных ему миров.

Ульф молча подавал ей новые чистые полосы выделанной кожи. Его взгляд постоянно скользил по лицу Ингрид — он видел каждую морщинку, каждую тень под глазами. Он знал, что она работает на пределе. Что ее «Закон» — это не просто слова, а физическая боль, которую она пропускает через себя.

— Ты убила моих людей, — пробормотал Грок, когда боль немного отступила, оставив после себя лишь тупое онемение.

— Нет, Грок, — Ингрид начала накладывать свежую повязку, туго стягивая жилы. — Ты привел их сюда, чтобы они умерли. Гора приняла их, отправив серую стражу, а я лишь сложила над ними камни. Теперь твоя очередь решать — пойдешь ты за ними или выберешь жизнь, чтобы увидеть новый день.

Она закончила и тяжело поднялась на ноги. Колено отозвалось резкой болью, в глазах на мгновение потемнело. Ульф тут же оказался рядом, поддержал ее под локоть, не давая пошатнуться.

— Тебе нужно спать, — не терпящим возражений тоном сказал он. — Я присмотрю за ним.

— Еще нет, — Ингрид вытерла руки о чистую шкуру. — Кай и Лира. Они там, в Потнице. Они напуганы, Ульф. Они увидели не ту, о которой мечтали.

— И пусть, — Ульф глянул в сторону занавешенного входа. — Им полезно знать цену тепла. Если они не выдержат этой правды, им нечего делать в горах.

Ингрид подошла к очагу и плеснула в огонь остатки горького отвара. По пещере поплыл густой, пряный пар. Она посмотрела на свои руки — мозолистые, сохранившие под ногтями следы сегодняшнего дня. Кай и Лира искали свет, а нашли женщину, измазанную кровью, и она же спасает убийцу. Она понимала их страх. Она сама когда-то боялась этой ответственности, но теперь у нее не было выбора. Она была хозяйкой этого места, и Матерью из легенды, а мать не выбирает, какую рану ей лечить — ту, что нанесла Гора, или ту, что нанес человек.

Грок в своем углу затих. Дыхание его стало ровнее, хотя лихорадка все еще держала его в своих когтях. Ингрид села на шкуру рядом с Ульфом, прислонившись головой к его плечу. В

этой тишине, нарушаемой лишь плеском воды из Потницы и треском дров, она чувствовала, как Ура-Ал смыкается вокруг них, защищая и одновременно испытывая на прочность. Завтра будет новый день, полный камней, холода и новых вопросов от тех, кто пришел за светом, а нашел лишь горькое милосердие гор.

Глава 5

Утро выдалось ясным и тихим. Местами в низинах уже рассеивался редкий туман, отдающий утренней прохладой. Кай и Лира шли следом за Ульфом вдыхая свежесть оазиса. Они прошли вдоль скальной стены, туда, где гранит уходил высоко вверх, теряясь в облаке тумана. Ульф остановился перед узкой вертикальной трещиной в скале. Она была такой узкой, что казалась просто шрамом на камне, поросшим рыжим лишайником.

— Вот, — Ульф хлопнул ладонью по холодному камню. — Я туда только руку по локоть просунуть могу. А Ингрид когда-то пролезла. Я стоял здесь, ждал ее, а она пропала надолго. Потом вышла и сказала, что Гора спрятала там доброе место.

Кай недоверчиво посмотрел на щель. Она выглядела тесной, пугающей.

— Не бойся, — Ульф чуть заметно усмехнулся в бороду. — Вы оба гибкие, как молодые лозы. Протиснитесь. Внутри места больше, чем кажется.

Кай первым шагнул в прохладу разлома. Он шел чуть склонившись, чувствуя плечами шершавость камня, но проход был свободным — им с Лирой был в самый раз. Сделав десяток шагов, Кай внезапно почувствовал, как стены расступились. Он замер. Перед ним была просторная пещера, круглая и высокая, как внутренность огромного каменного чрева. Пол был усыпан мелким, чистым песком, а наверху, под самым сводом, зияла узкая щель. Сквозь нее, рассеянным лучем, падал утренний свет. Он не слепил, а мягко заливал все пространство, делая видимым каждый изгиб стен. Здесь не было запаха хвори и крови, который пропитал пещеру Ингрид. Только сухой камень и покой.

— Кай? — донесся приглушенный голос Лире снаружи.

— Иди сюда, — отозвался он, и его голос странно и гулко отразился от стен.

Лира протиснулась следом и тихо ахнула. Она подняла голову, глядя на полоску света в вышине.

— Здесь так... тихо, — прошептала она.

— Слышите меня? — голос Ульфа, донесшийся из разлома, был гулким и низким.

Кай вернулся к входу, но не стал выходить наружу.

— Слышим, Ульф. Здесь хорошо.

— Место доброе, — подтвердил Хранитель. — Можете не бояться. Серые за вами приглядывают. Не как за добычей, а как за гостями Ингрид. Ни один медведь или рысь к этому разлому даже близко не подойдут. Те, кто пришел к очагу Ингрид с миром, для стаи — свои.

Кай и Лира переглянулись. Слова Ульфа ударили по их страху сильнее, чем любая угроза. Сама мысль о том, что свирепые волки, которых они видели в деле, будут охранять их сон, не укладывалась в голове. Это была иная сила, не та, что опирается на страх перед клыками, а та, что подчиняет эти клыки своей воле. В глазах Кая образ Ингрид снова качнулся, обретая новые, неведомые раньше стороны. Она не просто жила среди зверей — она сделала это место их общим домом.

— Обживайтесь — закончил Ульф. — До вечера время есть. Но помните: Гора дает кров, но очаг человек разводит сам.

Они вышли из прохлады разлома, и влажное тепло оазиса тут же вновь обняло их, заставляя кожу под меховыми одеждами неприятно зудеть. Под ногами расстился ковер из изумрудного мха, а огромные резные листья папоротников лениво покачивались, ловя капли воды, срывающиеся со скал. Воздух пах сырой землей и какими-то незнакомыми, тяжелыми цветами.

Ульф стоял у кромки воды. Он не обернулся на звук их шагов, его взгляд был прикован к зарослям на другом берегу ручья.

— Подойдите, — негромко сказал он.

Кай и Лира встали рядом. После снежной слепоты перевалов зелень оазиса казалась им чем-то нереальным, почти пугающим.

— Воду для питья брать будете там, — Ульф указал рукой вверх по склону, где из расщелины бил чистый ключ. — Ниже по течению — мойтесь, стирайте, делайте что хотите. Но ключ не засорять. Дрова — только то, что Гора сама отдала. Вон там, под кедрами, валежника полно. Живое дерево не рубить, Ингрид этого не любит. Оазис — это сад, который дала Гора, и мы здесь лишь те, кому позволено дышать.

Кай кивнул, запоминая, но его взгляд то и дело возвращался к кустам. Там, за густой листвою, он отчетливо видел рыжий бок косули. Животное спокойно щипало траву, лишь изредка поводя ушами. Оно было так близко, что Кай мог бы достать его обычным броском камня.

— Ульф, — Кай понизил голос, — там косуля. Я мог бы...

— Нет, — Ульф перерезал его фразу коротким взмахом руки. — Здесь не охотятся. Никогда.

Кай нахмурился. Недоумение боролось в нем с привычкой охотника.

— Но почему? Она же сама в руки идет. В племени мы бы неделю праздновали такую добычу.

Ульф наконец повернулся к нему. В его глазах не было гнева, скорее — суровое терпение отца, который объясняет понятные истины ребенку.

— Ты охотник, Кай? Или ты забойщик скота? — спросил он, и голос его стал тише. — Посмотри на нее. Она не бежит. Она не чувствует в тебе врага, потому что в этом месте смерть не приходит от человека. Убить ее здесь — все равно что перерезать горло спящему другу. В этом нет ни силы, ни чести. Это просто убийство доверчивого существа.

Лира внимательно слушала, переводя взгляд с Ульфа на косулю.

— Ингрид верит, что в Ура-Але должно быть место, где жизнь неприкосновенна, — продолжал Ульф. — Звери приходят сюда за тишиной. И мы эту тишину храним. Если тебе нужно мясо — ты пойдешь со мной. Там, за кромкой тепла, начинается Серая Зона. Там ветер выдувает душу, а зверь хитер и опасен. Там охота честная: либо ты его, либо он тебя. Там Гора дает право на кровь, потому что ты платишь за нее своим потом и риском.

Кай посмотрел на косулю. Она на мгновение подняла голову, встретила с ним взглядом и, не почуяв угрозы, снова принялась за траву. В племени его учили, что зверь — это добыча, и ничего больше. Но слова Ульфа заделали в нем какую-то иную сторону души. Милосердие Ингрид вдруг предстало перед ним не просто как жалость, а как огромная ответственность перед миром, который она создавала.

— Когда запасы кончатся, — Ульф тяжело положил руку на плечо Кая, — возьми лук и пойдешь за мной. Незачем в пещере бока отлеживать. Ингрид кормит тех, кто слаб, а ты — мужчина. Твое место на тропе, но не здесь. Здесь ты гость, и вести себя должен по законам дома, который тебя принял.

Ульф убрал руку и снова посмотрел на ручей.

— Идемте в пещеру. Ингрид уже приготовила мясо в котле. И помните про тишину. Оазис слышит каждое слово, каждое биение сердца. Не несите сюда суету своего племени. Здесь другая жизнь.

Его тяжелые шаги стали удаляться, затихая у ручья. Кай и Лира ненадолго задержались у своего нового убежища. Они стояли у входа, и впервые за долгое время чувствовали, что им не нужно оглядываться и ждать удара в спину. Узкий вход-разлом теперь казался им не преградой, а надежным стражем, который пропускает внутрь только свет и тишину. Позади осталась кровь, впереди ждал труд, но сейчас у них было самое главное — право дышать без страха под защитой Серой Стражи и воли Великой Матери.

Мгновение постояв, молча пошли обратно к пещере Ингрид. Тепло оазиса теперь казалось им не просто комфортом, а чем-то, что нужно заслуживать каждый день. Урок Ульфа прочно засел в голове Кая: охота в Серой Зоне, жизнь в мире. Это было сложно, непривычно, но в этом была своя, горная правда, которую им предстояло осознать. И впервые Кай почувствовал не только страх перед Ингрид, но и странное, еще неокрепшее уважение к тому, как она и Ульф относятся к жизни вокруг себя.

После еды у очага хозяйки оазиса, они нашли старые кедровые деревья чуть выше по склону, там, где скалы плотнее прижимались к лесу, создавая глубокую, влажную тень. Мох здесь рос тяжелыми, пухлыми пластами, которые легко отделялись от камней и корней. Он был пропитан влагой оазиса и пах грибной прелью. Кай расстелил свою накидку из грубой шкуры на земле.

— Складывай сюда, — коротко бросил он Лире.

Они работали молча. Лира подрезала корни мха костяным ножом, а Кай охапками переносил его на накидку. Когда куча стала высокой, они взялись за углы шкуры. Поднимать было нетяжело — чуть влажный мох весил не больше, чем вчерашние тела, и эта тяжесть была другой, приятной. Она не давила на душу, она лишь заставляла слегка напрягаться мышцы.

Когда они несли свою первую ношу к разлому, Лира внезапно остановилась. Кай, шедший впереди, почувствовал, как шкура натянулась, и обернулся.

На выступе скалы, примерно в сорока локтях в сторону, лежал волк. Он не рычал и не скалился, он просто лежал, положив мощные лапы на серый гранит. Его серая шерсть почти сливалась с камнем, и только глаза — два неподвижных желтых уголька — внимательно следили за каждым движением людей. В этом взгляде не было голода, но было нечто более пугающее: холодное, бесстрастное изучение.

— Он просто смотрит, — прошептал Кай, хотя его сердце забилося чаще. — Помнишь, что сказал Ульф? Они присматривают. Иди, не останавливайся.

Они продолжили путь, чувствуя этот взгляд между лопаток. У разлома им пришлось делиться. Кай первым пролез внутрь, а Лира подавала ему мох снаружи. Протискивать тяжелые охапки через узкую щель было трудно; шершавый камень цеплял шерсть накидки, крошил сухие веточки, забивался в волосы. Кай принимал груз в полумраке прохода, волок его вглубь пещеры и вытряхивал на чистый песок.

Потом пришел черед лапника. Под высокими пихтами они выбирали только те ветви, что уже клонились к земле или были надломлены ветром. Смола мгновенно перепачкала руки, она была липкой и пахучей, ее дух забивал ноздри, вытесняя запах вчерашней крови, который, казалось, преследовал их с самого утра.

Лира расправляла лапник по песчаному полу, укладывая их плотным слоем, хвоей вверх, чтобы создать теплую и пружинистую основу. Кай сверху настилал мох. Он старался подгонять пласты друг к другу, как охотники подгоняют камни в кладке очага. Постепенно холодный песок исчезал под зеленым, пахнущим лесом ковром.

К тому времени, когда они принесли последнюю ношу, солнце поднялось к самому зениту. В своде пещеры, в узкой трещине, вспыхнуло ослепительное сияние. Мощный луч

света, до этого скользивший по стенам, внезапно выпрямился и упал точно в центр стены их нового жилища. Он был таким плотным и ярким, что казался твердым, как ледяная сосулька.

Кай и Лира замерли у края своей новой лежанки. В этом свете пылинки кружились в безумном танце, а мох на полу казался драгоценным ковром, расшитым изумрудами. Тишина здесь была полной, нарушаемой лишь их собственным дыханием и далекой, едва слышной капелью воды где-то в недрах горы.

Лира опустила на колени и провела ладонью по мягкому ворсу мха. Ее пальцы, исцарапанные камнем и испачканные смолой, утонули в зелени. Она подняла глаза на Кая, и он впервые за последние два дня увидел в ее взгляде не ужас, а тихую, хрупкую надежду.

— Мы сделали это сами, — тихо сказала она, — Ульф еще обещал нам новые шкуры для подстилки.

Кай сел рядом. Усталость навалилась на него внезапно, свинцовой тяжестью, но это была добрая усталость. Он посмотрел на узкий вход, где в тени разлома угадывались очертания внешнего мира, и на лучь света, связывающий их с небом. Здесь, за этой каменной стеной, в мире, который охраняли Серые Стражи, они наконец-то были дома. Пусть этот дом был суровым и непривычным, но он принадлежал им.

Они сидели в тишине, пока солнце не начало свой медленный спуск, и свет не стал золотистым, наполняя пещеру теплым, медовым сиянием. Работа была закончена. Первый день их новой жизни в Ян-Ура перевалил за середину, и теперь им предстояло выйти наружу, чтобы снова встретиться с Ингрид, Ульфом и тем Законом, который они только начали постигать. Но теперь у них было место, куда они могли вернуться — их собственный угол в сердце великих гор.

Глава 6

Голос Ингрид застал их в тот момент, когда Кай пытался стряхнуть с ладоней остатки липкой смолы и древесной трухи. Голос был негромким, но в неподвижном, напоенном влагой воздухе оазиса он разнесся отчетливо, будто сама скала заговорила с ними.

— Кай, Лира. Идите к огню. Время еды.

Они переглянулись. День перевалил за середину, и плоть требовала своего. Кай первым шагнул в прохладу разлома, и они двинулись по тропе, петляющей между лопухами и влажными стволами кедров. В пещере Ингрид играл полусвет от яркого огня в очаге, густо замешанный на запахе дыма и вареного мяса. Котел, черный от копоти, висел над огнем, и пар из него поднимался к сводам тяжелыми, пахучими клубами. Ульф уже сидел на своем привычном месте, его массивная фигура казалась частью каменного выступа. Ингрид разлила варево по деревянным чашам. В густом вареве плавали крупные куски мяса, лесные грибы и темные, разваренные коренья. Но когда Кай поднес черпалку к губам, он замер. Вкус был необычным — с глубокой, едва уловимой горчинкой, которая не портила еду, а словно пробуждала чувства.

— Что это? — тихо спросил Кай, глядя на Ингрид. — Я никогда не пробовал ничего подобного. Приятный вкус... но странный.

— Сила Горной Слезы, — ответил за нее Ульф, не поднимая глаз от своей миски. — Она дает выносливость, когда ноги отказываются идти, и ясность мысли, когда страх застилает глаза.

Кай сделал еще несколько глотков. Он почувствовал, как по телу разливается мягкое тепло, а усталость в плечах, накопившаяся за утро, начинает медленно отступать, сменяясь странной, бодрящей легкостью. Это было похоже на то, как если бы чистый горный ветер вдруг задул прямо у него под кожей. Обед прошел почти в полной тишине. Грок в своем углу тоже ел из чаши поданной ему Ульфом. Он сидел и его глаза, теперь ясные, лишенные лихорадочного блеска, время от времени следили за каждым движением сидящих у огня. Между ним и очагом, положив голову на мощные лапы, дремал Белогрудый. Но Кай заметил, что уши волка были постоянно развернуты в сторону раненого, ловя каждый его вздох. Когда все закончили есть, Ульф молча встал, затыкая за пояс нож. Кай понял: время отдыха закончилось.

— Пойдем, — бросил Ульф, направляясь к выходу. — Вам нужен очаг, а камни сами себя не принесут.

Кай бросил быстрый, тревожный взгляд на Лиру. Она оставалась сидеть у огня, и в ее глазах мелькнула тень испуга. Она поняла, что сейчас останется одна — без защиты Кая, наедине с женщиной, чей взгляд пронзал насквозь, и врагом, который еще вчера хотел их смерти.

— Не бойся, — Ингрид словно прочитала ее мысли. — Здесь ты под защитой Белогрудого. Грок еще слаб, а волку достаточно одного его злого намерения, чтобы он не дал ему даже вздохнуть лишний раз. Подойди. Мне нужны твои руки.

Лира медленно поднялась. Ноги ее казались деревянными. Она подошла к лежанке Грока, стараясь не смотреть ему в глаза. Ингрид уже развязывала жилы на его бедре. Раны

больше не гноились — края их стянулись, порозовели, очистившись от вчерашней черноты. Тело вождя, мощное и иссеченное старыми шрамами, теперь казалось Лире чем-то неживым, будто Ингрид работала с куском дерева или камня. Грок внезапно напрягся. Его взгляд переместился с Ингрид на Лиру. Он видел ее тонкие запястья, испуганное лицо и то, как она судорожно сжимает край своей накидки. Для него, вождя, привыкшего к тому, что слабые служат сильным, все казалось была предельно ясным.

— Рабы?.. — хрипло, едва слышно выдавил он. Голос его напоминал скрежет гальки под ледником. Он смотрел на Лиру, и в этом взгляде была смесь презрения и какой-то дикой уверенности.

Лира замерла, ее рука, потянувшаяся за чистой повязкой, задрожала в воздухе. Она ждала, что Ингрид начнет сразу объяснять, но она даже не подняла головы. Она методично промывала рану отваром, и пар от чаши окутывал ее спокойное лицо.

— Здесь нет рабов, Грок, — слова Ингрид прозвучали не громко, но так веско, будто она бивала топор в ствол дерева. — Здесь есть только те, кто выбрал жизнь. Ты пока — просто терпишь ее.

Грок замолчал. Было видно, как на его челюсти вздулись желваки. Он перевел взгляд на Белогрудого, который в этот момент приоткрыл один глаз и посмотрел на человека так, словно тот был лишь куском мяса, который пока не велено трогать. Ответ Ингрид явно не укладывался в голове воина. В его мире жизнь была добычей, а не выбором. А рабство было естественным для проигравших в войне с соседним племенем. Лира почувствовала, как страх внутри нее начинает сменяться чем-то другим. Твердость голоса Ингрид, ее спокойствие перед лицом опасного хищника, каким оставался Грок даже в немощи, повлияли на нее как холодная вода. Она взяла чистую полосу сыромятной кожи и, уже увереннее, подала ее женщине. Грок закрыл глаза и откинул голову на шкуры. Он затих, осознавая, что привычные ему законы здесь не действуют. Его сила, его статус вождя, его угрозы — все это разбивалось о тишину этой пещеры и спокойную, выматывающую уверенность этой женщины. Он действительно просто терпел жизнь, которую ему позволили сохранить, и это осознание было для него болезненнее любой раны. Жизнь в оазисе Ян-Ура продолжала свой неспешный, суровый ход, где каждый жест и каждое слово имели вес, а милосердие было не слабостью, а тяжелым бременем, которое Ингрид несла, не сгибаясь. Лира работала рядом, и с каждым мгновением ей казалось, что она начинает понимать — за этой женщиной стоит такая воля, которую невозможно сломить ни топором, ни словом.

Кай шел за Ульфом и чувствовал, как в теле после сытного обеда и Горной Слезы просыпается новая сила. В оазисе стояла влажная тишина, прерываемая лишь вскриками птиц где-то в вышине. Ульф повел его не к ручью, а чуть выше по склону, туда, где от скальной стены веками отслаивались плоские плиты серого гранита.

— Эти бери, — Ульф указал на груды плитняка, лежащую в тени. — Сухие и плоские. С них легче сложить очаг.

Ульф нагнулся и поднял плиту толщиной в ладонь. Его мышцы на спине и плечах перекатились под кожей, но он даже не кряхтел. Он поднес камень к разлому и осторожно задвинул его в щель.

— Принимай!

Кай протиснулся внутрь своей пещеры. Здесь было прохладно, и лучь света внутри все еще светил ровно, подсвечивая каждую песчинку. Он ухватился за край плиты. Камень был холодным, злым, он не хотел поддаваться, но Кай уперся ногами и потащил его по песку. Скрежет гранита об гранит заполнил все пространство. Один за другим Ульф подавал камни. Кай таскал их, складывая под самой трещиной в своде. Пот заливал глаза, ладони горели от мелких

порезов, но он не просил передышки. Он чувствовал, как Ульф снаружи ждет его движения, его готовности. Это был их первый совместный, тяжелый труд.

— Выгребай песок! — крикнул Ульф, когда куча камней внутри стала достаточной. — До самого основания. Камень должен лежать на кости Горы, иначе при первом же хорошем жаре твой очаг развалится.

Кай опустил на колени и начал лихорадочно рыть. Песок летел в стороны, забивался под ногти. Наконец, пальцы наткнулись на твердый, незыблемый камень. Он очистил площадку и начал укладывать первые, самые тяжелые плиты.

— Клади по кругу! — давал инструкции Ульф, прислонившись к скале у разлома. — И оставь щель в нижнем ряду, со стороны входа. Огню нужен воздух.

Кай подгонял камни друг к другу. Он выбирал те, что ложились плотнее, строя круг будущего очага. Пару раз плита качалась, и ему приходилось все разбирать и начинать заново. Он не видел Ульфа, но чувствовал его присутствие за стеной — незримый контроль человека, который не поможет руками, но не даст совершить ошибку.

— Стоит? — спросил Ульф спустя время.

— Стоит, — выдохнул Кай, вытирая лицо грязным предплечьем. Он толкнул верхнюю плиту — очаг был твердым и надежным, как сама скала.

— Хорошо. Теперь у вас есть сердце, — голос Ульфа за стеной стал чуть тише. — Дом начинается с того, что ты сам согрел. Ингрид дала вам место, я дал вам камень. Дальше — сами.

Кай посмотрел на свои руки — сбитые, в серой каменной пыли. Он поднял взгляд на полоску неба вверх. Теперь это место не казалось ему чужим. Он врос в него через этот скрежет плит и через пот, пролитый на песок.

— Спасибо, Ульф, — негромко сказал он в сторону разлома.

Ответа не последовало, только послышались тяжелые, удаляющиеся шаги по мягкому мху. Ульф уходил обратно к своей пещере, оставляя Кая наедине с его первым делом. Кай присел на корточки у своего очага, коснулся шершавого края гранита. Вечером они с Лирой разведут здесь свой первый огонь, и этот дым, уходящий в небо Ура-Ала, станет их первым знаком Горе — они здесь, они живы, и они готовы учиться ее законам.

Огонь в очаге разгорелся не сразу. Кай долго возился с кремнем, высекая искру на сухой мох, пока тонкая струйка дыма наконец не потянулась вверх, точно в узкий разлом свода. Ульф не обманул — тяга была хорошей, и вскоре веселые рыжие языки пламени начали облизывать серые бока гранитных плит. Тени на стенах заплясали, оживляя пещеру, превращая ее из холодного каменного мешка в живое, дышащее жилище. На огне в небольшом котле, который Ингрид дала им вместе с запасом сушеного мяса и корней, закипала вода. Ингрид была права: им нужно было это уединение. Свой котел, свой огонь, свой запах еды. Это возвращало им право быть не просто свидетелями чужой жизни, а хозяевами своей собственной, пусть и под защитой этих великих и страшных скал. Кай подбросил в огонь несколько кедровых веток. Смола зашипела, стреляя искрами, и пещеру наполнил густой, чистый аромат хвои.

— Ульф сказал, что это наш первый огонь в новом жилище — негромко произнес Кай, глядя на то, как блики огня играют в глазах Лир. — Я думал, он просто хочет, чтобы я потаскал камни. Но когда мы закончили... я почувствовал, что этот очаг держит не только котел. Он держит всю эту пещеру.

Лира сидела на шкуре, обхватив колени руками. Она выглядела измотанной, но в ее позе больше не было той надломленности, с которой она вошла в оазис.

— Ты видел Ингрид сегодня? — спросила она, не поднимая глаз. — Когда она перевязывала его. Грок спросил, не рабы ли мы. Он не понимает, Кай. В его голове человек может быть либо вождем, либо добычей. А она ответила так, будто ударила его по лицу, не коснувшись руками — «Здесь есть только те, кто выбрал жизнь».

— Она не командует Ульфом, — Кай помешивал варево в котле деревянной черпалкой. — И Ульф не приказывает ей. Они просто... знают, что нужно делать. Как две руки одного человека. Ульф сегодня учил меня охоте, хотя мы даже не взяли луки. Он сказал, что в оазисе нельзя убивать тех, кто тебе доверился. Охота — это там, в Серой Зоне, где все по-честному. Где ты и зверь на равных.

Кай замолчал, прислушиваясь к звукам снаружи. Там, за узким разломом входа, оазис жил своей ночной жизнью. Шумел ручей, шелестела листва, и иногда доносился далекий, протяжный вой.

— А волки? — Лира подняла голову, глядя на черную бездну щели в потолке, где уже начали проступать первые холодные звезды. — Ты заметил? Ингрид ни разу не свистнула им. Не крикнула. Белогрудый лежал рядом с ней, пока она промывала раны врагу. Он не смотрел на нее, он смотрел на Грока. Ждал одного неверного движения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.